

БЕСЛАН ТУЧНЫЙ В ГЕРОИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ КАБАРДИНЦЕВ: ОБРАЗ ВЛАСТИ И ВЛАСТИТЕЛЯ

Ю.М. Азикова

Беслан Джанхотов (Беслан Тучный) – одна из ключевых фигур в истории средневековой Кабарды. Это реальный исторический деятель рубежа XV-XVI вв., верховный князь, с правлением которого фольклорная традиция связывает важные социально-политические изменения. Ученые-кавказеды не располагают документальными свидетельствами, позволяющими подробно и системно характеризовать его личность, жизнь и деятельность. Скудость источниковой базы ограничивает возможности восстановления событийной канвы деяний верховного князя Беслана. Но крупицы фольклорного материала, находящиеся в нашем распоряжении, являются ценнейшими источниками для исследования *организации, форм и методов* осуществления властных функций князем Бесланом, образа власти, представлений о власти у людей того времени, характера властной системы в традиционном кабардинском обществе. С точки зрения историко-антропологического подхода к проблеме и изучения политико-управленческой системы, а не политической истории и политических событий, фольклорный материал дает благодатный материал для исследований, позволяющий обнаружить то, что думали о себе люди эпохи, те категории, в которых они мыслили. Таким образом, целью данной статьи является реконструкция образа власти и представлений о власти в позднесредневековом кабардинском обществе, воплощенных в персоне конкретного кабардинского верховного князя – Беслана Джанхотова на основе ретроспективного анализа содержания фольклорных источников.

Источники

Хан-Гирей, фактически заложивший основы изучения адыгского фольклора, отмечал, что «поэзия – жизнь, душа, память бытия древних черкесов, живая летопись событий в их земле! Она управляла их умом и воображением в домашнем быту, на съездах народных, в увеселениях, в печали, встречала их рождение, сопровождала от колыбели до могилы их жизнь и передавала потомству их дела» [31, с. 315]. Адиль-Гирей Кешев, продолживший и углубивший теоретизирования на тему адыгского фольклора, указывал на то, что песни и устные предания – единственные достоверные источники при исследовании прошлого народа, «не имевшего никакой письменности» [18, с. 326]. Данное мнение особенно актуально при изучении истории адыгских общностей до установления союзнических отношений с Русским государством. История правления Беслана не отобразилась в русских письменных документальных источниках эпохи.

Свидетельства о личности князя Беслана содержится в песенно-прозаическом цикле об адыгском герое Андемиркане. Исследователям

известны более 100 записей песен и сказаний об Андемиркане, в большинстве из которых фигурирует князь Беслан [5, с. 30-44].

Исключительную ценность представляет краткое повествование Шоры Ногмова о деятельности князя Беслана [20, с. 125-127]. Ш. Ногмов освещает внешнюю и внутреннюю политику Беслана, обращая особое внимание на правотворчество и реформирование судебной системы. «История адыгейского народа» составлена Ш. Ногмовым на основе систематизации, большей частью, фольклорного материала – песен, сказаний и преданий адыгов. Современные исследователи, анализирующие становление и развитие сословной структуры и институтов социально-правовой регуляции традиционного кабардинского общества, неизменно обращаются к работе Ш. Ногмова и цитируют известный отрывок из его работы посвященный правлению Беслана, поскольку не сохранилось иных документальных свидетельств либо записей фольклорного материала, проливающих свет на характер воздействия князя на развитие судебных институтов в Кабарде.

Сведения о происхождении и месте Беслана в генеалогии правящей аристократии содержатся в родословных кабардинских князей XVII в., приводимых в книгах, принадлежавших А.М. Пушкину и А.И. Лобанову-Ростовскому [24]. Родословные в двух списках, вероятно, составлены со слов кабардинцев, приезжавших в течение XVII в. в Москву. Иными словами это записи генеалогических преданий кабардинских князей.

Некоторые сведения о влиянии, оказанном кабардинской знатью в правление Беслана на региональный политический процесс, содержатся в русских летописях [21, с. 61-62], в документах думской канцелярии и Посольского приказа конца XV – первой половины XVI в. [25].

Таким образом, историческая память адыгов, зафиксированная не только в письменных источниках, но и в преданиях, генеалогиях, эпосе, отражает различные стороны бытия традиционного кабардинского общества в исторической перспективе и обладает формирующим самосознание и менталитет потенциалом [16, с. 18-19]. Развитие практики письменной фиксации сведений о народах Северного Кавказа изначально являлось фактором идентификации социальной практики, культуры и истории населения региона извне. Вместе с тем историко-антропологически ориентированное изучение фольклорных памятников предоставляет значительные исследовательские возможности, поскольку в фольклоре наиболее точно отображается самосознание людей и специфика самоидентификации. Перспективы данного подхода демонстрируются в исследованиях современных авторов. Так, в работе Л.С. Хагожеевой представлен интересный опыт осмысления проблематики возникновения института княжеской власти и ее дальнейшей трансформации на основе анализа адыгских сказок [29]. Изучение содержания историко-героических песен и исторических преданий, несомненно, будет способствовать адекватной времени и месту интерпретации глубинных политических процессов и истории власти, представлений о политическом, о властной иерархии, о характере власти и властвования в традиционном кабардинском обществе.

Предки и потомки, время правления

Генеалогия служила весьма распространенным способом обоснования аристократического или монархического статуса правящих родов эпохи средневековья. Все владельческие фамилии Кабарды возводили свое происхождение к общему предку – сиятельному Иналу. Сословно-иерархический порядок, существующий в обществе, княжеская «идеология», сама ментальность всех групп населения не допускали никакой иной возможности обретения княжеского статуса кроме как по праву рождения от князя в равном браке. С одной стороны, это превращало княжеское сословие в замкнутую группу, почти касту. Внутри ее уже обособились различные фамильные ветви, но по отношению к остальному обществу они образовывали единый «клан». Его члены были равны между собой по статусу, и этот княжеский «эгалитаризм» в немалой степени объясняет неизбывность усобиц в Кабарде XVI-XVIII вв. «Генеалогический аспект стал одной из основ государственного устройства княжеской державы» [26, с. 46]. Данный феномен может быть связан с изначальным представлением о сакральной природе власти, рассматривавшейся как собственность правящего рода, на которую распространялось общее наследственное право [19, с. 150-151].

Согласно генеалогическим преданиям, князь Беслан был правнуком князя Инала – потомка аравийских правителей и общего родоначальника кабардинских, бесленевских, темиргоевских, хатукаевских и части хегакских княжеских родов. В современном кабардиноведении утвердилось мнение о том, что родоначальник адыгских княжеских фамилий правил в последней трети XIV – начале XV века. А.В. Гадло в свое время выдвинул гипотезу о том, что Инал жил во времена хазарского господства в Предкавказье [9, с. 22-24]. Вопрос о времени жизни легендарного Инала продолжает оставаться дискуссионным. Вместе с тем нельзя отбрасывать и соображения относительно возможности существования в разное время двух адыгских правителей, носивших одно и то же имя, образы которых переплелись в бесписьменном историческом сознании предков кабардинцев.

Из родословных кабардинских князей следует, что дедушка Беслана Тобулда приходился сыном князю Иналу. Один из сыновей Тобулды – Джанхот (или Янхот) являлся отцом Беслана. Беслану наследовали сын Кайтуко и пять внуков: Пшеапшоко, Асланбек, Тапшинуко, Кайтуко и Янсох.

Изучение родословных книг кабардинских князей дает основание исследователям придерживаться точки зрения о том, что Беслан Джанхотов жил в последней трети XV - первой четверти XVI в. и являлся старшим князем Кабарды на рубеже XV-XVI вв. [1, с. 934]. Комплексное изучение генеалогии княжеских родов или линий показывает, что власть пщышхуэ (старшего князя, верховного князя) передавалась по боковой линии согласно лествичному праву. В родословной кабардинских князей и мурз содержатся указания на то, что, ко времени установления союзнических отношений с Русским государством в середине XVI в., верховными князьями последовательно были *Инал, Тобулда*

(сын Инала), *Джанхот* (сын Тобулды и отец Беслана), *Инармас* (сын Тобулды и брат Джанхота), *Беслан Джанхотов* (племянник Инармаса), *Идар* (сын Инармаса и двоюродный брат Беслана), *Кайтуко* (сын Беслана), *Темрюко* (сын Идара и двоюродный племянник Беслана). Таким образом, Беслан Джанхотов был «большим князем» до Идара, за Идаром - Кайтуко, за последним - Темрюко. В первой половине XVI века «князьями кабардинскими» становились по одному представителю от каждой линии, поскольку Идар был единственным сыном Инармаса, а Кайтуко - единственным сыном Беслана.

Шыфэ-лЫфэ (внешний вид, облик)

Адыгские, и в особенности кабардинские аристократы, согласно множеству свидетельств и сформировавшимся стереотипам, воплощали образы рыцарственных и искусных воинов, наделенных строгой и стройной красотой и некичливой брутальностью. Такими увидел адыгских мужей Джеймс Белл: «их отличительные черты - это высокий рост, широкая грудь, могучие плечи, узкие бедра, небольшая нога и пронзительные живые глаза. С полным основанием можно сказать, находясь здесь: «мужчина - это самое благородное творение, какое только дарит эта страна...» [7, с. 465].

Важно также отметить, что при описании внешности мужчины-адыга употреблялось устоявшееся понятие *шыфэ-лЫфэ*. В данной смысловой конструкции *шы* означает коня, *лЫ* – мужчину, а *фэ* – облик. Облик мужчины воспринимался и описывался в неразрывном единстве с образом скакуна. Адыгский рыцарь-наездник – это идеальный баланс подтянутой формы и возвышенного содержания. Во всяком случае, таково наполнение теории. Кабардинские князя претендовали на статус первых рыцарей Кавказа и являлись ревностными блюстителями уэркъ хабзэ (рыцарская этика). В стратифицированном традиционном обществе с военизированным образом жизни верхушки, благородным по происхождению «вменялись» всевозможные достоинства и положительные личностные качества. Благородный князь, правитель хорош собой, силен, отважен, справедлив и мудр. «...Князья потому и князья, что не похожи на других простых людей и что „самый малютка княжеский похож на взрослога“» [2, с. 50]. В рамках подобных представлений вполне закономерно приписывание благородному обладание в равной мере и внешними, и внутренними достоинствами.

В записях песен и преданий андемиркановского цикла приводится прозвище князя Беслана – Тучный (Бесльэн ПцІапцІэ). В разных записях на русском языке прозвище обозначается по-разному (тучный, толстобрюхий, с брюхом как студень и пр.). Все варианты перевода на русский язык прозвища Беслана обозначают физическую полноту и чрезмерную дородность, а выяснение истоков подобного разнообразия форм перевода не имеет сущностного значения для цели нашего исследования.

Фольклорный материал не дает однозначного и точного объяснения подобной полноты. Нам не известно, когда умер Беслан и сколько лет исполнилось ему ко времени смерти. Не представляется возможным доподлинно установить, какими обстоятельствами объясняется физическое

состояние Беслана: преклонным возрастом или плохим состоянием здоровья, или тем и другим. И первое и второе объяснения фигурируют в фольклорном материале андемиркановского цикла. Отмечается, что Беслан был большим, толстым и не мог передвигаться, не опираясь на две палки [22, с. 226]; указывается, что в былые годы Беслан был наездником, но уже не мог отправляться в походы («зекIуэлIу шытауэ зекIуэ мыкIуэжыф хьуати...») [27, с. 274]; в одном эпизоде говорится о физической увечности Беслана и отсутствии у него нижних конечностей («и куэпкьитIыр пытыжтэкьым...») [3, с. 293]. В подавляющем большинстве эпизодов повествования речь идет о констатации, а не об объяснении причин того, почему князь был «не в форме». Ситуация была такова, что Беслан из-за своей чрезмерной тучности передвигался не верхом на лошади, а на арбе. В некоторых вариантах сказаний отмечается, что он не просто сидел на арбе, а лежал в ней на перине [22, с. 226]. Показателен способ охоты Беслана, когда он сидел на арбе, не спускался на землю, загонщики направляли в его сторону дичь, в которую он стрелял со своего места. В андемиркановском цикле описывается, что стрельба по дичи у Беслана получалась плохо, так как он с трудом мог повернуться и не был в состоянии быстро реагировать на движение бегущего животного.

Историко-героические предания, сказания и песни адыгов XVI-XVII вв. реалистичны, несмотря на присутствие в них элементов эпической традиции и бытование множества версий одного и того же сюжета, ввиду устной передачи информации. Внешность князя Беслана не подвергается приукрашиванию не вследствие отрицательного отношения к нему общества. Непременное в каждом повествовании припоминание тучности князя не означает, что в нем не видели достойного верховного князя, заслуживающего доброй памяти. Образ Беслана в фольклоре историчен и реалистичен, его внешность – это данность известная всему обществу. Беслан в повествованиях об Андемиркане предстает не в качестве героя и любимого персонажа, и не в качестве персонажа со специфической внешностью, а в качестве князя, властителя, положение и нрав которого не допускают обид и неподобающего отношения к себе.

Ум и способности

Физическая немощность, отсутствие мобильности у Беслана компенсируется его интеллектуальной состоятельностью и возможностью поддерживать свой высокий статус за счет правильно выстроенной сети взаимоотношений с князьями и дворянами. Ш. Ногмов также не опустил в своем повествовании описание облика князя, но поспешил оговориться относительно иных достоинств Беслана: «князь Берслан Кайтукович Джанкутов одарен был удивительной дородностью и толстотой. Щедрая природа, излившая на него с избытком свои дары, наградила его вместе с тем умом и отличными способностями; превосходные его распоряжения всегда оканчивались с успехом» [20, с. 125].

Для правильного понимания оценки статуса личности в традиционных адыгских сообществах, уместно опереться на соображения К.Ф. Сталя,

высказанные о «языке народа (тлегубзыг)» – лЫ губзыгъэ (букв. – «умный (мудрый) муж»), т.е. человек, который в силу интеллектуального превосходства может позволить себе говорить и воздействовать словом). Он писал, что приобретение звания «тлегубзыг» – это «высший предел честолюбия», так как «это название дается черкесами храбрейшему в бою, красноречивейшему на вече, разумнейшему на разбирательствах и судебной расправе. Этим поэтическим названием – язык народа, черкесов, обозначает человека, который есть выражение всех высоких качеств своего народа и один умеет высказать ясно, чего целый народ желает и что он чувствует. Голос языка народа на вече и при всех предприятиях решителен, увлекает весь народ и ворочает им по своей воле. Все смиряются перед его умственным могуществом». Характеризуя статус князя, К.Ф. Сталь также отмечал, что степень влияния и полномочия князя непосредственно связаны со степенью соответствия поведения князя эталону рыцарства (тле-хупх) и с наличием у него дара слова (тле-губзыг) [28, с. 238, 256]. Термин «тле-хупх» – *лЫхъупхъэ* образован сочетанием слов *лЫ* (муж; мужчина) и *хъупхъэ* – (прилежный; усердный; имеющий хорошие задатки, данные к тому, чтобы стать кем-либо хорошим; расторопный; ловкий; правильный). Сущность понятия *лЫхъупхъэ* можно интерпретировать, как воплощение мужских добродетелей и доблести быть образцовой личностью.

Как было уже отмечено, Беслан не был наездником в буквальном смысле этого слова, но он являлся организатором наездов. Сам физически не соответствуя рыцарскому эталону, он не отсиживался дома, а возглавлял и организовывал благородное воинство. Именно Беслан приглашает в поход своего антагониста Андемиркана, нрав которого явно известен князю. Но князь Беслан отвечает за исход похода, для него в определенной ситуации первичны итог предприятия и вклад, который может сделать Андемиркан. Беслан «проводил активную завоевательную политику в бассейне Нижнего Терека. Согласно данным адыгского фольклора, в годы его правления кабардинские войска доходили до Астрахани и Дербента. Заключил союз с Шамхальством – крупнейшим феодальным владением Дагестана – и надолго обеспечил безопасность торговых путей из Астрахани и Дербента в Кабарду» [1, с. 934].

Одно дело демонстрировать свою личную рыцарскую удаль, чем крайне обеспокоен любимец народа и герой песен Андемиркан, другое – решать проблемы политического, дипломатического, статусного и экономического свойства по итогу тех или иных военных акций, чем и был занят Беслан. Согласно фольклору, в Астрахань, например, кабардинское воинство во главе с Бесланом отправляется поскольку «было у кабардинцев в обычае – каждые девять-десять лет снаряжать поход на город Астрахань, с тем, чтобы пограбить город и привезти оттуда тканей: в Кабарде их не было» [14, с. 288]. Результаты предприятий, возглавляемых Бесланом, принося удовлетворение участникам событий, возвышали верховного князя: «набег вышел очень удачный, набрали несметно богатую добычу. Каждый возвращавшийся с того берега торопился поздравить Беслана, остававшагося на этой стороне, сказывая: „да даст тебе Бог еще большего счастья!“» [2, с. 59]. Таким образом, можно отметить, что во

многом действия Беслана отвечали «эталону рыцарства (тле-хупх)», подтверждая реальность его статуса военного предводителя. Составители песен и сказаний об Андемиркане не могут не восхититься доблестью Андемиркана, но и предать забвению достижения Беслана сказители не могут также.

Успешность осуществления Бесланом властных функций в пределах всей Кабарды была опосредована наличием у него талантов стратега и дипломата. Как было уже отмечено, мы не располагаем документальными свидетельствами, иллюстрирующими тонкости его взаимодействия с остальными кабардинскими князьями. Единственный источник, который может дать представление о формате обсуждения разного рода вопросов – это записи андемиркановского цикла. В записях цикла Андемиркан предстает незаконнорожденным княжеским сыном – тума (либо княжеским сыном, рожденным в неравном браке, с таким же обозначением «тума»), который может себе позволить задирать князей Кабарды, включая самого Беслана, дерзить им, выражать неповиновение, демонстрировать публично свое превосходство как наездника и пр. Особенно вызывающим его поведение выглядит по отношению к Беслану, учитывая его статусное превосходство над любыми другими князьями.

В ситуации противостояния Андемиркану Беслан отстаивает свое достоинство как властителя, верховного князя и одновременно выражает чаяния остальных князей относительно судьбы Андемиркана. По этому поводу князья во главе с Бесланом собираются на хасу и выносят коллегиальное решение о физическом устранении дерзкого героя.

Согласно фольклорной традиции Андемиркан несколько раз позволяет себе публично оскорбить Беслана. Беслан же не отвечает на подобные выпады немедленным и соразмерным обиде взрывом негодования. Он не прибегает тут же к осуждению и наказанию Андемиркана. В традиционном кабардинском обществе вне зависимости от статусных различий все подчинены закону, традициям и обычаям. Норма довлеет над личностью. Но именно личностные качества князя определяют степень устойчивости данного правила. Беслан предстает в повествованиях человеком, владеющим ситуацией и умело направляющим князей и дворян Кабарды, обеспечивая поддержку своей позиции.

В описании протекания конфликта обратимся к одному варианту записей сказания об Андемиркане. История противостояния начинается с того, что верховный князь приглашает Андемиркана к себе для совместного похода в Астрахань. В то время, когда герой находится в доме у князя в ожидании начала похода, Беслан позволяет себе быть неучтивым по отношению к гостю. Князь критикует оружие Андемиркана: проверяя его, Беслан натягивает несколько раз лук и говорит, что лук неплохой но все же «слабоват». Андемиркану замечание не понравилось, но он промолчал [2, с. 58]. Затем Беслан и его приближенные оказываются на охоте, где происходит достопамятный инцидент. Преследуемая Андемирканом дичь бежит в сторону Беслана, который из-за своей чрезмерной тучности передвигался не верхом на лошади, а в повозке. «Стрела, пронзив насквозь оленя (*кабана и пр. в других*

версиях. – Ю.А.) попала в колесо и пригвоздила его к оси, так-что оно перестало вертеться. „А, тучный Беслан, котораго лук возится арбою, как тебе понравился полет моей стрелы?“ спросил его после того Айдемиркан. Беслан промолчал, сочтя это справедливым возмездием за слова, которыя он сказал в своей кунацкой относительно лука Айдемиркана» [2, с. 59].

После сцены с охотой по сюжету разворачивается героическая осада Астрахани. Андемиркан отличился в осаде. После удачного набега все спешат с поздравлениями к Беслану, который ожидая результатов, все так же восседает на арбе поодаль от места сражения. «И Айдемиркан, возвратившись с набега, также подошел поздравить Беслана, но сказал ему: „да здравствуешь госпожа!“ Эта насмешка сильно оскорбила Беслана, хотя он постарался не подать и вида в том». И здесь составитель приписывает Беслану мысли, подтверждающие его намерение приструнить Андемиркана: «„В первый раз я могу ему простить, потому-что я первый его задел и он имел право отплатить мне, но этот раз он уже издевается надо мной без всякаго с моей стороны повода, полагая, вероятно, что надо мной можно смеяться безнаказанно. Но не будь я рожден своею матерью мужем, если я не заставлю раскаяться его в этих словах,“ подумал Беслан и тут же поклялся в душе непременно погубить его» [2, с. 59].

Эпизод конфронтации напоминает перипетии противостояния конунга франков и воина из легенды о суассонской чаше, рассказанной Григорием Турским в «Истории франков». Согласно легенде войско Хлодвига – конунга франков – захватило и разграбило город Суассон. Все награбленное согласно традиции должно было быть разделено между воинами. Хлодвигу также полагалась своя часть добычи. Епископ Суассона попросил Хлодвига вернуть священную чашу из храма. Но так как Хлодвиг не мог до раздела добычи самовольно забрать приглянувшуюся ему вещь, он обратился с просьбой к воинам предоставить ему указанную чашу. Большинство воинов выразили согласие предоставить чашу своему предводителю. Но один воин выразил недовольство просьбой Хлодвига. Он разрубил чашу с возгласом «„Ты получишь отсюда только то, что тебе полагается по жребию“... Все были поражены этим поступком, но король перенес это оскорбление с терпением и кротостью. Он взял чашу и передал ее епископскому послу, затаив „в душе глубокую обиду“.

А спустя год Хлодвиг приказал всем воинам явиться со всем военным снаряжением, чтобы показать на Марсовом поле, насколько исправно содержат они свое оружие. И когда он обходил ряды воинов, он подошел к тому, кто ударил по чаше и сказал: „Никто не содержит оружие в таком плохом состоянии, как ты. Ведь ни копье твое, ни меч, ни секира никуда не годятся“. И, вырвав у него секиру, он бросил ее на землю. Когда тот чуть-чуть нагнулся за секирой, Хлодвиг поднял свою секиру и разрубил ему голову, говоря: „Вот так и ты поступи с той чашей в Суассоне“. Когда тот умер, он приказал остальным разойтись, наведя на них своим поступком большой страх» [10].

Беслан тоже затаил обиду, он также не располагает возможностью в тот же миг, когда произошло событие, наказать за дерзость Андемиракана. Но он тщательно готовит расправу. Он собирает князей на хасу, выясняет их

настроения, задействует механизм коллегиальности для решения вопроса в удобном ему ключе. Можно предположить, что ведутся обсуждения неподобающего поведения Андемиркана, нарушение им существующих норм. Беслан ведет отдельные переговоры с исполнителями его расправы. Он не действует напрямую, но, должно быть, применяет наилучшим образом *дар слова*, чтобы убедить нужных людей завлечь Андемиркана и убить его.

Согласно содержанию фольклорного материала князя брата Канболат и Асламбек были дружны с Андемирканом. Но Асламбек пропал без вести. Пустили слух, что к его пропаже и гибели причастен Андемиркан. Якобы Асламбек гостил у Андемиркана и последний, не сумев одарить гостя подобающими подарками и не желая опозорить себя тем самым, убил гостя-Асламбека. Но Канболат не верил в эти слухи и по-прежнему дружил с Андемирканом. Беслан узнал, что Андемиркан собирается в гости к Канболату. Он приехал тайно к Канболату раньше и стал апеллировать к слухам о гибели его брата, намекая тем самым на неотомщенную кровь. Беслан указал на то, что у Канболата есть более веские основания считать Андемиркана врагом, «чем все другие кабардинские князья, которые с ним, Бесланом, во главе, замыслили его погубить».

Составитель вкладывает в уста Беслана подобный текст: «„от имени их [остальных князей] и от себя я прошу тебя не отставать от нас, своих более близких родственников, между которыми ты живешь и которые во всякое время могут выказать более участие и быть полезнее тебе, чем Айдемиркан, давно уже изменивший клятве, им данной тебе,“ говорил Беслан. „Не меняй нас, собратьев своих, на ненадежного друга и исполни нашу просьбу. Так как он только тебе одному из всех нас может довериться, то предоставь нам случай напасть на него врасплох и погубить его, так, чтобы он не мог нанести нам большого вреда,“ объяснил затем Беслан».

Канболат выразил сомнение по поводу правдивости слухов о причастности Андемиркана к гибели его брата ввиду отсутствия надежных доказательств этому. Не желая нарушать клятву в дружбе, данную Андемиркану, он все-таки вынужден был уступить Беслану: «„Но вражда ваша страшнее для меня нарушения клятвы, и я, видит Бог, только вынужденный необходимостью, исполню ваше желание,“ ответил Канболат... Тогда Беслан вынудил Канболата поклясться, что он не изменит данному слову и затем объяснил ему способ, который он, совместно с другими кабардинскими князьями, придумал для умерщвления Айдемиркана» [2, с. 60-61].

Таким образом, убийство Андемиркана, фактически его казнь, заслуженная им, организуется и осуществляется правителем, который не может себе позволить вызвать героя на поединок. Риторика песен и сказаний об Андемиркане свидетельствует о том, что народное мнение симпатизирует ему. Геройства и удаль Андемиркана оправдывают его задиристость и предохраняют от публичного осуждения. Беслан оперирует подходом, который в современных условиях назвали бы «тонкой политической игрой» либо «политическим манипулированием». Ни на один выпад Андемиркана он не дает личного, прямо и непосредственно обращенного к тому ответа.

«Могущественный не живет без прислужников, не управляет без посредников»

На всех уровнях властной пирамиды традиционного кабардинского общества – вотчины, удела, всей Кабарды – помимо носителей власти, «лиц принимающих решение» и отдающих распоряжения («пши» или «тхамада» в расширительном смысле этих слов) должны были быть лица «проводящие в жизнь» волю правителя и господина, исполнители этих решений и распоряжений. В Кабарде людей, принадлежащих к этой группе исполнителей называли «бейголь». Подобно западноевропейским «министериалам» или «сержантам» [8, с. 330], адыгские бейголи выступали как четко очерченный социальный слой, место которого в обществе определялось общностью роли, выполняемой каждым из них. Вместе с тем, внутри этой категории складывалась определенная дифференциация и иерархия, обусловленная начатками «специализации» их функций, положением господина в феодальной иерархии, большим или меньшим умением справляться с поставленными задачами. Обусловленная (взаимными обязательствами с сеньором) верность вассала проигрывала безусловной преданности служителей, возвышенных исключительной волей господ. Каждый отдельный субъект власти традиционного кабардинского общества, в первую очередь, опирался на своих бейголей, как самых надежных исполнителей всякого рода поручений и распоряжений.

Кабардинские князья могли делегировать часть исполнения властных полномочий, не рискуя тем самым ограничить свою власть. Не будучи делегированной одному конкретному лицу, власть могла быть разделена в необходимой пропорции между нужным количеством людей. Следствием этого являлось отделение исполнения от решений, т.е. кабардинским князьям необязательно было собственноручно взимать штрафы, собирать подати и дань. Выполнением подобных задач занимались специальные люди, выполнявшие свою работу от имени своих господ. Подобная практика не только не распыляла княжескую власть, но и усиливала ее. Замещение должностей в аппарате управления не требовало родовитости от кандидатов – наоборот. Князьям же ничего не мешало, если бы они того захотели, сместить кого-либо с той или иной «должности». В отличие от сюзеренно-вассальных связей, накладывавших серьезные обязательства на обе стороны, в связях господ и служителей, права и привилегии первых довлели над обязанностями вторых. «Административный аппарат» системы власти традиционного кабардинского общества состоял, большей частью, из функционеров, специалистов-назначенцев, отбравшихся по принципу преданности и в соответствии с уровнем знаний, способностей и умений. Делегирование власти служило организации точного соблюдения единых общеправовых норм и способствовало укреплению власти княжеского рода Иналовичей.

Князь Беслан всегда окружен множеством людей, готовых реализовать его решения и выполнить поручения. Во-первых, его опора в действиях и

воплощении решений на посредников связана с его физическим состоянием. Во-вторых, и это более важный аспект, опора на посредников определяется его властным статусом. В фольклорных источниках подробно не перечисляются «должностные» лица при Беслане, но присутствие служителей-исполнителей очевидно. В разных записях андемиркановского цикла и обзоре Ш. Ногмова прослеживается их наличие: Беслан посылает своих людей (пщым и цЫхухэр – люди князя) за Андемирканом; посылает за скакуном Андемиркана; у Беслана есть охотничьи собаки, которыми кто-то занимается; на охоте его сопровождают загонщики, которым запрещено стрелять в дичь; Беслан сам руководит людьми, готовящими укрытие, где будут прятаться убийцы Андемиркана; Беслан вводит штрафы, которые будут собирать его люди; воля Беслана озвучивается населению его глашатаями и пр. В данном перечислении вызывает сомнение, к примеру, личное руководство Бесланом работой землекопов. Речь не идет о возможности буквальной интерпретации данного эпизода, а о понимании того, что Беслана окружают исполнители, реализующие его волю независимо от его личного присутствия.

Также важно отметить, что возникновение категории потомственных незнатных дворян беслан-уорков в исторической традиции вполне определенно связывается с деятельностью и волей князя Беслана. Ш. Ногмов писал, что «пшиш-орк или берслан-орк, слово двухсложное, означающее «княжеский дворянин», т.е. начавший свой род от князя Берслана: они находились при князьях, приобрели дворянство и получали в подарок разные вещи» [20, с. 126]. Имя Беслана стало составной частью названия сословия княжеских уорков. В качестве другого названия второстепенных дворян и «личных княжеских узденей» употреблялось и определение «пшикеу». В «Пояснительной записке о личных правах туземного населения Терской области», составленной Д.С. Кодзоковым, отмечается, что «сословие пшекеу» образовалось «из потомков лиц, бывших на непосредственной личной службе кабардинских правителей. С помощью пшекеу, они приводили в исполнение постановленные ими судебные решения, взыскивали с виновных штрафы, посылали за сбором дани и т.п. Впоследствии службы этого рода сами пшекеу в низших слоях общества имели заметное влияние и нередко случалось, что дружбою их дорожили знатные ворки» [32, л. 10 об.]. Термином «пшьчеу» Хан-Гирей обозначил дворян второй степени. Он также отмечал, что «в иных владениях есть биеколы из дворян второстепенных и их называют – биеколишхо (великие биеколы)», служащие князю и следящие за порядком [30, с. 155-156, 260]. Интерпретация текста Хан-Гирей дает основание отдельным исследователям предполагать, что среда пшекеу или (и?) больших бейголей представляла собой канал вертикальной мобильности, из данной среды пополнялись низшие слои дворянства [6, с. 110].

В «Записке майора Я. Шарданова о сословных отношениях в Кабарде» отмечается, что «узденья пшекау, то есть княжеские все то исполняют, что князь прикажет, они не вроде холопьев, но и не равняются с узденьями и служат князю ежедневно, безотлучно исполняют домашний порядок и унимают по приказанию князя всякие невежества случится могущие и соблюдают благопристойность, чтобы все были послушны, а князь их защищает от всяких

несправедливых обид по обычаю и за него вступается и за то с виновных по обычаю взыскивает и народ то терпеливо сносит и не может ни чему противиться, что князь сделает право или не правы, на то есть его воля» [15, с. 350-351]. В другом источнике отмечается, что наследственная «должность» пшикеу являлась крайне выгодной, поскольку люди этого звания приводили в исполнение княжеские решения, являлись проводниками княжеского слова, обладали определенной значимостью и весом в глазах простонародья, которое пыталось получить их расположение подарками, всякого рода вознаграждениями [4, л. 18]. По сведениям И.Т. Радожицкого, «третью степень узденей составляют княжеские телохранители, называемые пшекау... Уздень пшекау, или княжеский, исполняет все, что князь ему велит. Он не равняется с обыкновенными узденями и не подвластен князю, как раб, но служит безотлучно, наблюдая домашний порядок» [23, с. 382, 385]. Таким образом, бейголи и пшикеу находились в личном подчинении у своих господ дворян и князей. Они не служили интересам абстрактного государства, а служили своим господам, которые являлись для них воплощением власти, неся «повседневную административную и административно-полицейскую службу, направленную на организацию точного соблюдения обычноправовых норм, на выполнение различного рода постоянных или разовых поручений». Также они были профессиональными воинами. Ими выполнялись и функции оруженосцев и телохранителей [6, с. 112]. Бейголи и пшикеу не были втиснуты в какие-то должностные рамки с ограниченным набором функций. Хотя они не осуществляли жестко ограниченного набора функций, их деятельность включала в себя осуществление особо характерных, типичных для них обязанностей – функции сборщиков податей, судебных исполнителей, посыльных. Их служба не ограничивалась осуществлением раз и навсегда установленных обязанностей. Главная их черта – это преданное несение службы, а в чем выражается эта служба – в сборе штрафов либо в исполнении роли посыльного – это не столь существенно.

Влияние Беслана на становление и развитие сословной структуры и институтов социально-правовой регуляции в Кабарде

Шора Ногмов в своем описании деятельности князя отмечал, что «Берслан был одарен умом решительным, характер имел строгий и благородный. Он ввел между кабардинцами разные обряды и разделил народ по степеням узденей на пять классов: 1) тлохотлешь, 2) джинуго, 3) кодзь, 4) пшиш-орк или берсланорк и 5) уорк сшаотлух-гусса. Общее же всем название было уорк. Крестьяне были разделены на четыре класса: 1) пшикеу (пшикеу. – Ю.А.), т.е. «княжеский», 2) окго или тлаоксыиао, т. е. «крепостной», 3) длагунпшить или дльхокотль, т. е. «крестьянин», и 4) унаут, т. е. «дворовый человек».

Тлохотлешь, вместо тлабкусшь, слово трехсложное; имеющее два значения: 1-е, «от трех знатнейших поколений»; вероятно, они названы так потому, что были многочисленнее и богаче; и 2-е, двухсложное - тлабкусшь:

«от мужественных трех родов человек». Дижинуго - слово сложное из дижин и го, т.е. «желтое серебро»; они были происхождения княжеского из низшего класса. Кодзь вместо кодзе, т. е. «добавка»; должно полагать, что это были переселившиеся иностранные дворяне. Пшиш-орк или берслан-орк, слово двухсложное, означающее «княжеский дворянин», т.е. начавший свой род от князя Берслана: они находились при князьях, приобрели дворянство и получали в подарок разные вещи. Орк сышаотлух-гусса - слово трехсложное: «товарищ мужественного и благородного дворянина». Быть может, они названы так потому, что вели себя мужественно и сознавали свое достоинство. Должно полагать, что Берслан знал происхождение и мужество каждого из подданных. Ныне первые три класса полагаются в первой степени, а орк-сышаотлух-гусса в третьей; все же они издревле называются орк. Несмотря на сложные слова и значение их, они разделены по степеням» [20, с. 125-126].

Видение социальной структуры традиционного кабардинского общества современными исследователями несколько отличается от модели, предложенной Ш. Ногмовым. Так, в сословную иерархию благородных включаются князья-пши; тума (княжеские отпрыски в неравных браках); тлекотлеши (сильное колено); диженуго (позолоченное серебро); беслан-уорки, уорк-шаотлугусы (вассалы первостепенных уорков тлекотлешей и диженуго); пшикеу (княжеская ограда) и бейголи (служитель господина). Вопрос с точной идентификацией статуса пшикеу и бейголей является одной из дискуссионных проблем в адыгведении. Согласно одним интерпретациям пшикеу фактически ассоциируется с беслан-уорками. Ш. Ногмов же указывает, что пшикеу это первый «класс» крестьянства.

Формирование сословно-иерархических структур в человеческих сообществах протекает крайне длительно и многосложно. Концепция рукотворности и одномоментности генезиса социальной структуры в любом обществе соответствует неоправданно упрощенной и искаженной интерпретации процесса. На стадии разложения родоплеменных отношений и усложнения социальной структуры, люди, осуществляющие функции управления в обществах, не располагали достаточными возможностями принуждения и навязывания своей воли в развитии общественных связей и отношений. К тому времени, когда для управителей становится возможным влиять на правотворчество, структура общества в основных своих компонентах уже выстроена. Ко времени правления князя Беслана традиционное кабардинское общество уже было иерархизированным и стратифицированным. Сословная структура общества не была изобретена Бесланом. Но высокая степень влияния и полновластия данного конкретного верховного князя позволили закрепить установившееся положение вещей и даже внести некоторые изменения в социальную структуру.

А.Я. Гуревич, в процессе исследования памятников обычного права на примере варварских Правд западноевропейских народов и племен раннего средневековья, пришел к выводу о том, что в Правдах в целом фиксируется не законодательная инициатива государей (хотя ее следы в ряде судебных актов явно видны), а прежде всего и по преимуществу народный обычай. Нормы

обычного права достаточно консервативны по своей сути, к ним относились как к нерушимым установлениям. Но в действительности обычай не оставался неизменным, с течением времени он трансформировался [11, с. 86-87]. А.Я. Гуревич отмечал, что «правды фиксируют обычаи, складывавшиеся поколениями и мало изменившиеся – во всяком случае под воздействием сознательной инициативы – именно потому, что они были обычаями: в силу традиции эти нормы считались нерушимыми, если не священными. Отсюда – неполнота и фрагментарность постановлений Правд, ибо многообразные обычаи не поддаются сплошной фиксации, да в этом и не было необходимости». А.Я. Гуревич указал и на то, что «фиксация же части обычного права в судебныхниках (полностью обычаи никогда не записывались) придавала ему окончательный, впредь неизменяемый вид. К тому же запись судебныхников почти повсеместно производилась по инициативе королевской власти, к которой со временем переходила и законодательная функция (сначала это были добавления и исправления Правд, а затем и самостоятельные законы)» [11, с. 89-90].

Х.М. Думанов, ссылаясь на Ш. Ногмова, пишет о том, что кодификация законов в Кабарде имела место еще в XV-XVI столетиях. В качестве примера он приводит предание, связанное с Бесланом Джанхотовым, который учредил единый порядок судопроизводства, издал законы и обряды и установил разные штрафы за их неисполнение [12, с. 112]. Хан-Гирей описал влияние пши на правотворчество, на включение новых пунктов в нормы обычного права. Он показывал, что права, которыми обладали пши, были присвоены себе ими самими [30, с. 162]. Он также выдвинул гипотезу о том, что пши не просто повлияли на оформление тех или иных сословий, но и прямо занимались созданием, выделением различных групп дворянства из остальной массы населения для своего возвышения и усиления [13, с. 31-32].

Сравнительно развернутая характеристика, существовавшим в Кабарде судебным инстанциям, дана Ш. Ногмовым. Он писал, что Инал поставил над народом сорок судей, которые должны были заботиться о его благосостоянии, поддерживать «тишину и благоденствие». Такое положение вещей сохранялось не долго и после смерти Инала судебная система, созданная им, распалась [20, с. 95]. «В XVI в., в период правления князя Берслана Кайтуковича Джанкутова, судебная система в Кабарде претерпела определенные изменения. По-прежнему в суде главную роль играли князья, но судебная власть одного князя не возвышается над другими князьями, как у Инала. При князе Берслане происходит известная регламентация компетенции судов, разграничение их деятельности, и в известной мере суд выступает, как законодательный и исполнительный орган» [17, с. 63].

Согласно повествованию Ш. Ногмова, «Берслан, в продолжение управления своего кабардинским народом, желая улучшить и упрочить его благосостояние и для оказания всякому правосудия, первый учредил во всех аулах, в каждом по одному хеезжа, т.е. «третьейский суд», в котором разбирались все дела, кроме уголовных, и жалобы местных жителей. Суд этот составляли несколько человек, из благонадежных узденей и депутатов со

стороны народа, ежегодно им избираемых с утверждения самого князя, который в руководство им и народу издал разные законы и обряды, о которых будет говорено ниже. Жалобы же на судей, также уголовные и относившиеся до всего народа дела разбирались и решались под председательством князя в хе, т.е. «главном суде», учреждавшемся в постоянном месте жительства князя. Кроме того, князь Берслан Кайтуков установил разные штрафы за неисполнение данных им узаконений и обрядов, ныне не соблюдаемых народом, и старался всеми силами искоренить зловердных людей, и весьма многих князей за неблагонамеренные их поступки лишал княжеского достоинства, а некоторых и вовсе изгонял. Равным образом он изобрел для собственных своих и узденских лошадей особое тавро, называемое и ныне берслановским. Украденная и найденная впоследствии лошадь с этим тавром подвергала виновных тяжкому наказанию» [20, с. 126-127]. Описывая время правления пши Хатожуко Казыевича, Ш. Ногмов отмечал, что «обиженные и угнетенные находили в нем защиту и правосудие, и притеснители же справедливое по заслугам наказание. Он восстановил и утвердил в народе навсегда благоразумные постановления и обряды дяди своего Берслана относительно князей, узденей и холопов» [20, с. 137].

Князья в традиционном кабардинском обществе воплощали власть во всех ее проявлениях, не исключая законодательный и судебный аспекты. Приведенные выдержки из работы Ш. Ногмова следует интерпретировать, как иллюстрацию наличия у верховного князя Беслана Джанхотова прав и возможностей законодательной инициативы. Княжеская воля осуществляется не только в контексте господства объективно трансформирующегося со временем народного обычая, но и в условиях возрастания возможностей закрепления, фиксирования, дополнения и исправления управленцами норм обычного права и основ функционирования судебной системы. Влияние Беслана – это случай воздействия на развитие судебной системы, но не создания ее. И источники объективно не позволяют измерить данное воздействие и четко фиксировать его границы. Как и в ситуации с развитием социальной структуры, степень влияния правителя непосредственно связана с личностными качествами могущественного по статусу человека. Беслан обладал достаточной волей и возможностями трансформирующего влияния на общество.

Заключение

Адыгские сказания, исторические предания и героические песни содержат информацию о времени правления князя Беслана и хранят память о характере его правления и границах реализации властных функций. Беслан совмещал в себе предводителя воинов и представителя священного рода Иналовичей. Степень полновластия верховного князя в традиционном кабардинском обществе рассматриваемого времени была обусловлена подобающей комбинацией соответствующего происхождения и личных качеств мудрого правителя и удачливого предводителя.

Личность князя и его достоинство были неприкосновенны в силу особого статуса княжеского рода. Неповиновение и проявление неуважения по отношению к Беслану не встречали общественного одобрения и были наказуемыми деяниями. Даже безусловная народная любовь и поддержка не могли помочь провинившемуся избежать наказания. Это не было произвольным наказанием, но возмездием, санкционированным правом. Власть князя определялась не столько наличием авторитета (хотя авторитет способствовал усилению власти), сколько закрепленными в адатах нормами, которые являлись общепризнанными для всех слоев населения. Вместе с тем эти нормы поддерживали безусловный примат княжеской «касты».

Князь Беслан обладал формальным законом и средствами принуждения (штрафование, изгнание, убийство). Княжеская власть осуществлялась через определенный аппарат управления, который еще не имел четкие очертания и организационную структуру, но который на необходимом уровне занимался выполнением поставленных задач. Князь обладал легитимизированной властью принуждения, позволявшей, к примеру, запрещать под угрозой наказания исполнять песнь об Андемиркане.

Князь Беслан являлся формальным источником права, гарантом осуществления правосудия и одновременно верховным судьей. Логика функционирования и развития системы обычного права не предполагала «издание» князем новых законов, а подразумевала широкие возможности сохранения старых и добрых обычаев и обеспечения их применения. На деле, с помощью поправок и истолкований, князь мог существенно трансформировать законодательство. Беслан обладал правами дополнения и исправления законодательства и введения новых штрафов.

В общественном сознании решения и деятельность Беслана встречали поддержку и понимание вследствие его восприятия в качестве мудрого и сильного правителя, заботящегося об общественном благоустройстве и благосостоянии. Особа князя Беслана символизировала достоинства единоначалия и выгоды согласованного признания и подчинения власти одного верховного правителя. Во всяком случае, в общественном сознании с одобрением воспринимались сильные князья, способные либо прекратить, либо не допустить междоусобицы кабардинских князей, оборачивавшиеся бедствием для народа. Время правления Беслана отражено в фольклоре, как эпоха удачных военных походов, междукняжеского согласия и признания верховенства могущественного князя, оправдывающего всемерно свой статус.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Адыгская (Черкесская) энциклопедия / Гл. ред. профессор М.А. Кумахов. – М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. – 1247 с
2. *Айдемиркан* // Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1872. – Вып. 6. – С. 50-64.
3. *Андемиркан* (Андемыркъан) // Адыгский фольклор (Адыгэ Иуэрыуатэхэр): в 2-х т. Т. 2. / Составитель З. Кардангушев. – Нальчик: Эльбрус, 1969. – 412 с.
4. Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 35.

5. *Аутлева С.Ш.* Адыгские историко-героические песни XVI-XIX веков. – Нальчик: Эльбрус, 1973. – 228 с.
6. *Бгажноков Б.Х.* Бейголи в социальной структуре феодального адыгского общества // Генеалогия Юга России: история и современность: мат-лы Всероссийской науч. конф. (25-27 июня 2004 г.). – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. – С. 105-114.
7. *Белл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 458-530.
8. *Блок М.* Феодальное общество / пер. с фр. М. Ю. Кожевниковой. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 504 с.
9. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского ун-та, 1994. – 236 с.
10. *Григорий Турский* История Франков (Печ.: Григорий Турский. История франков. М. Наука. 1987) // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада: сайт. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Greg_Tour/frametext2.htm (дата обращения: 12.06.2017).
11. *Гуревич А.Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. – М.: Высшая школа, 1970. – С. 86-87.
12. *Думанов Х.М., Думанова-Крышмамаханова Ф.Х.* Право и судебные органы адыгов // Исторический вестник. Вып. IV. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – С. 111-142.
13. *Жемухов С.* Мирозозрение Хан-Гирея. – Нальчик, 1997. – 115 с.
14. Жизнь и смерть Андемыркана // Кабардинский фольклор / Общая редакция Г.И. Бройдо; вступительная статья, комментарии и словарь М.Е. Талпа; редакция Ю.М. Соколова; иллюстрации Т.С. Анисимовой. – М.-Л.: ACADEMIA, 1936. – 652 с.
15. Записка майора Я. Шарданова о сословных отношениях в Кабарде // Нагоев М. Б. Общественно-политическая мысль адыгов в первой половине XIX века: исследования и материалы. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – С. 349-382.
16. *Карамурзов Б.С., Боров А.Х.* Северный Кавказ в историческом пространстве и времени // Кавказология. – 2017. – № 1. – С. 12-40. URL: http://www.kbsu.ru/wp-content/uploads/2016/12/Borov_Karamurzov_Kavkazologiya_2017_1.pdf (дата обращения: 12.07.2017).
17. *Катанчиев Т.М.* Кабардинское обычное право. Его особенности. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 193 с.
18. *Кешев А.-Г.* Характер адыгских песен // Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX века: в 2-х кн. Кн. 1 / Кабард. Балкар. ин-т истории, филологии и экономики; Сост. и. авт. вступ. статьи, А.И. Алиева; Комент. А.И. Алиевой, А.М. Гугова; Подгот. текстов и общ. ред. А.М. Гугова. – Нальчик: Кабард.-Балкар. ин-т истории, филологии и экономики, 1979. – 404 с.
19. *Назаренко А.В.* Родовой созеренитет Рюриковичей над Русью (X-XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1985 год. – Москва: Наука, 1986. – С. 149-157.
20. *Ногмов Ш.* История адыгейского народа. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 232 с.
21. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): в 43 т. Т. 13. 1-я половина. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / Под ред. С.Ф. Платонова при участии С.А. Адрианова. – СПб: Типография И.Н. Скороходова, 1904. – 302 с.
22. Происхождение Беслана Тучного, его верховное княжение и рассказ о его злодеяниях (Бесльэней ПцIапцIэ кызыхэкIар, ар пщы уэлийуэ зэрыщытар, абы лейуэ зэрихьам и хьыбар) // Адыгский фольклор (Адыгэ Гуэрыгуатэхэр): в 2-х т. Т. 2. / Составитель З. Кардангушев. – Нальчик: Эльбрус, 1969. – 412 с.
23. *Радожницкий И.Т.* Законы и обычаи кабардинцев // Нагоев М.Б. Общественно-политическая мысль адыгов в первой половине XIX века: исследования и материалы. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – С. 382-394.

24. Родословная кабардинских князей и мурз XVII в. (Из родословной книги, принадлежавшей А.М. Пушкину); Родословная кабардинских князей и мурз XVII в. (Из родословной книги, принадлежавшей А.И. Лобанову-Ростовскому) // Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Документы и материалы: в 2-х т. Т.1. – Москва: АН СССР, 1957. – С. 383-387.

25. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 127. Оп. 1. (Сношения России с ногайскими татарами - (коллекция) из фондов Боярской Думы и Посольского приказа. Посольские книги и дела).

26. *Сивер А.В.* Державы князей: опыт сравнения княжеской Кабарды и Древней Руси // Исторический Вестник. - Нальчик: Эль-Фа, 2007. - Вып. VI. - С. 39-76.

27. Сказание об Андемиркане (Андемыркъан и хъыбар) // Адыгский фольклор (Адыгэ IуэрыIуатэхэр): в 2-х т. Т. 2. / Составитель З. Кардангушев. – Нальчик: Эльбрус, 1969. – 412 с.

28. *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: в 2-х т. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 1. – С. 187-278.

29. *Хагожеева Л.С.* Возникновение института княжеской власти и ее дальнейшая трансформация (по материалам адыгской сказки) // Вестник Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2014. – 1 (21). – С. 89-93.

30. *Хан-Гирей* Записки о Черкесии / Вступительная статья и подготовка текста к печати В.К. Гарданова и Г.Х. Мамбетова. – Нальчик: Эль-Фа, 2008. – 363 с.

31. *Хан-Гирей С.* Классификация адыгских народных песен // Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX века: в 2-х кн. Кн. 1 / Кабард. Балкар. ин-т истории, филологии и экономики; Сост. и авт. вступ. статьи, А.И. Алиева; Комент. А.И. Алиевой, А.М. Гутова; Подгот. текстов и общ. ред. А.М. Гутова. – Нальчик: Кабард.-Балкар. ин-т истории, филологии и экономики, 1979. – 404 с.

32. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР). – Ф. Р-1209. – Оп. 11. – Д. 24.

УДК 93/99 (470.6)

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-3-57-75

БЕСЛАН ТУЧНЫЙ В ГЕРОИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ КАБАРДИНЦЕВ: ОБРАЗ ВЛАСТИ И ВЛАСТИТЕЛЯ

Ю.М. АЗИКОВА

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: azik-uu.84@mail.ru*

Аннотация. В статье представлена реконструкция образа власти и представлений в обществе о власти конкретного кабардинского верховного князя – Беслана Джанхотова на основе анализа содержания фольклорных источников. Ученые-кавказоведы не располагают документальными свидетельствами, позволяющими подробно и системно характеризовать его личность, жизнь и деятельность. Скудость источниковой базы ограничивает возможности восстановления событийной составляющей деяний верховного князя Беслана. Но фольклорный материал, находящиеся в нашем распоряжении, является незаменимым источником для исследования *процесса, характера и пределов* осуществления властных функций князем Бесланом в традиционном кабардинском обществе. С точки зрения

историко-антропологического подхода к проблеме и изучения политического процесса, а не политической истории и политических событий, фольклорный материал является благодатной почвой исследований, позволяющий обнаружить то, что думали о себе люди эпохи и категории, в которых они мыслили. В статье исследуются основания властвования Беслана, степень его соответствия рыцарскому идеалу воина и военного предводителя, способности князя, его трансформирующее влияние на общественно-политический строй традиционного кабардинского общества.

Ключевые слова: власть; представления о власти; Беслан Тучный; традиционное кабардинское общество; рубеж XV-XVI вв.; фольклор; героические песни; исторические предания.

BESLAN THE FAT IN HEROIC SONGS AND HISTORICAL LEGENDS OF KABARDINS: THE IMAGE OF POWER AND THE RULER

Yu.M. AZIKOVA

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173

E-mail: azik-uu.84@mail.ru

Abstract. The article presents the reconstruction of the image of power and notions in society about the power of the concrete Kabardin supreme prince – Beslan Dzhanhotov on the basis of an analysis of the content of folklore sources. Scientists-Caucasologists do not have documentary evidence, allowing to characterize his personality, life and activities in detail and systematically. The scarcity of the source base limits the possibilities restoring the event component of the deeds of the supreme prince Beslan. But the folklore material at our disposal is an indispensable source for investigating the process, nature and limits of the exercise of power by prince Beslan in the traditional Kabardin society. From the point of view of the historical-anthropological approach to the problem and the study of the political process, rather than political history and political events, folkloric material is a beneficial field for research, allowing to discover what people of that era thought about themselves and the categories in which they thought. The article investigates the foundation of dominance of prince Beslan, the degree of his compliance with chivalrous ideal of the warrior and military leader, capabilities of the prince, his transformative impact on the socio-political structure of the traditional Kabardin society.

Key words: power; notions about power; Beslan the Fat; traditional Kabardin society; the turn of the XV-XVI centuries; folklore; heroic songs; historical legends.